

УДК 344.14:344.44 "17/18" (47+57)

СОЗДАНИЕ АРЕСТАНТСКИХ РОТ ВОЕННОГО И ВОЕННО-МОРСКОГО ВЕДОМСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Курабцева А. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В Российской империи форма наказания военнослужащих в виде привлечения к тяжелым работам была введена еще Петром I в его Уставе Воинском. Однако дальнейшего развития эта форма наказания не получила вплоть до начала XIX века. Именно в первой половине XIX века создаются и развиваются как правовые основы деятельности подобных подразделений, так и сами такие подразделения. Первоначально это были военно-рабочие подразделения, которые применялись вместе с трудом обычных солдат и осужденных на различных строительных работах, носящих в основном военный характер. Важнейшей правовой основой для деятельности подобных подразделений стало принятое 26 сентября 1826 г. «Положение для образования крепостных арестантов в арестантские роты» (№ 598) с изданным в виде дополнения к нему «Положением о военных арестантских ротах». С их принятием наличие арестантских рот – как сухопутных, так и военно-морских – в российской армии стало нормой.

Ключевые слова: арестантские роты, армия, флот, Российская империя, указ, положение.

Проблемы поддержания в армии строгой дисциплины обычно в мировой практике возлагаются на весьма жесткое соответствующее отраслевое законодательство. В то же время система наказаний за совершенные военнослужащими преступления и проступки, особенно при ее постепенном перестроении с телесных и членовредительских к более цивилизованным формам, на рубеже XVIII–XIX вв. еще только начинала формироваться. Значительное влияние на этот процесс оказывала острая нехватка военнослужащих в результате огромных потерь в постоянных войнах, сложившееся в России традиционное пренебрежение к нуждам рядового солдата, его человеческому достоинству.

История формирования дисциплинарных частей, а также других подразделений из осужденных военнослужащих имеет свою и весьма богатую историю, обусловленную ходом исторического развития российской государственности, вооруженных сил, социально-экономического развития, системы исполнения наказаний вообще и военной пенитенциарной системы в частности.

Учитывая, что такая форма наказаний, как содержание в тюрьме, еще только развивалась в России в исследуемый период, а ее вооруженные силы не имели подобных собственных заведений, многих осужденных содержали в крепостях или же в общих с гражданскими тюрьмах. Однако в это время простое содержание в тюрьме не считалось достаточным наказанием, каторги же считались достаточно суровым наказанием, но в то же время были весьма обременительны и для казны. К тому же рабочих рук постоянно не хватало и в европейской части быстро расширяющейся и развивающейся страны.

Еще при Петре I широкий размах приобрела практика использования труда заключенных на различного рода работах, что было даже закреплено в Уставе Военском (№ 3006) от 30 марта 1716 г., в частности, в разъяснении к артикулам 63, 65 (с. 338) и 95 [1, с. 346]. В данном случае можно упомянуть и широко применявшийся труд украинского казачества при строительстве Санкт-Петербурга, отдельных крепостей и каналов. Безусловно, следует указать и на то, что и до петровского времени труд заключенных широко практиковался при строительстве крепостей, дорог и т. д.

С присоединением к России Юга Украины и Крыма и увеличением военных усилий в этом регионе началось ширококомасштабное строительство различных сооружений. При острой нехватке в стране свободных рабочих рук из-за крепостного права, углублении проблемы бегства крестьян от помещиков и развития бродяжничества, чрезвычайных рекрутских наборов для пополнения регулярно воюющей армии, а также проблемах с дисциплиной в вооруженных силах труд заключенных, независимо от принадлежности к гражданскому, военному или военно-морскому ведомству, становится особо востребованным.

Так, к примеру, 7 марта 1805 г. выходит указ «О строениях в городе Феодосии» (№ 21652). В качестве рабочей силы для производства строительных работ выделялись солдаты инженерных команд и 200 невольников, осужденных в ближайших губерниях на работы [2, с. 887].

Использование заключенных в данном городе оказалось весьма удачным ходом и было продолжено в последующем. Так, известно, что в декабре 1811 г.: в магазине карантина Феодосии, который строился для бумажных товаров, была покрыта черепицей остальная часть крыши и начато мощение из отборного бутового камня плиток нижнего пола. Первое было сделано военными, а последнее – невольниками. Привлечение заключенных к строительным работам в Феодосии продолжалось и в последующем.

Впрочем, активная фаза войн с наполеоновской Францией ставила задачу укрепления всех западных границ государства, от Прибалтики до Черного моря. Во многом для достижения этой цели в 1806 г. в помощь армии было собрано народное ополчение, включавшее в себя более 600 тыс. милиционных ратников. Далеко не все из них оказались пригодными к строевой службе, а потому возникла проблема с использованием ущербных здоровьем и силами ратников. Часть из них отправили на заводы, изготавливавшие припасы, оружие и снаряжение для армии, другую же часть – на строительство укреплений. Причем Инженерный департамент, ведавший этим вопросом, ходатайствовал перед императором о создании специальных рот и команд, в которые вошли бы ополченцы [3].

С целью разрешения данной проблемы 25 ноября 1807 г. за № 22296 был принят указ «О содержании поступающих в крепости Милиционных ратников, употребляемых к производству строений». Им, в частности, предписывалось на основании указа от 27 сентября использовать неспособных к строевой службе к строительству в крепостях, для замены дорогих вольнонаемных рабочих. В последующем же было решено всех поступающих из ратников к работам в крепостях называть военными рабочими. Исходя из соединения военной организации и таких работников, обмундированием они снабжались из комиссариата. Более того, им даже предписывалось выдавать жалование по 8 руб. в год каждому.

Учитывая военизированный характер данных подразделений, сами рабочие состояли в тех самых крепостях, куда назначались, и находились под непосредственным ведением их комендантов. Где же таковых не было – под управлением начальников гарнизонов данных крепостей. Несмотря на военизированный подход, указ предусматривал, что в случае недостатка необходимых помещений в крепости военно-рабочие могли размещаться не только в крепости, но и в ближайших селениях, городе. Что правда, контроль за ними в таком случае возлагался на штаб или обер-офицеров, а также унтер-офицеров. Военно-рабочие не были приписаны к какому-то отдельному месту, а по необходимости могли переводиться из одной крепости в другую [4, с. 1330].

С окончанием эпохи наполеоновских войн острая необходимость восстановления и развития пострадавших в 1812 г. городов и крепостей при сохраняющейся острой нехватке свободных рабочих рук заставила государство шире применять уже имеющийся опыт, к тому же и отправка многих беглых и других преступников для работы в крепости стала массовым, а где то и бесконтрольным явлением в жизни страны, так как в крепостях происходило смешение самих военно-рабочих с осужденными к работам в крепости.

В связи с этим 27 апреля 1816 г. был принят указ «Об отсылке из осуждаемых в крепостные работы только преступников, кои к тому предназначены и к таковой работе способны». Из документа следует, что Инженерный департамент, при котором содержалось много невольников при крепостных работах, вынужден был обратиться к высшему руководству страны, так как количество таких невольников значительно увеличилось. Многие из них были неспособны к работам, а по другим слишком долго шло разбирательство, откуда они. В результате на них тратилось слишком много средств.

Было принято решение всем губернским правлениям предписать, чтобы впредь «осуждаемые за преступления в крепостные работы люди отсылаемы к ним были только те, кто по указу от 13 сентября 1797 г. п. 3 и в пояснение его в предписании сената от 23 марта 1798 г. для этого были предназначены». В то же время с теми лицами, которые были «присуждены в крепостную работу не за преступления, но только из-за одной лишь неспособности к военной службе», поступали, как Инженерный департамент, просили «звание военно-рабочих и получали содержание им положенное» [5, с. 616–617].

Разобравшись с этим, уже 2 мая 1816 г. за № 26252 был принят указ «О военно-рабочих батальонах в Москве». В нем предписывалось сформировать 2 батальона, один из рекрутов, а второй – из излишних людей, остающихся от парков, под номерами 1 и 2 соответственно. Командиры батальонов должны были состоять в звании майоров, а командиры рот – капитаны. В каждый батальон полагалось по 4 поручика, 4 подпоручика или прапорщика, 4 старших унтер-офицера и 20 младших. Все штаб, обер- и унтер-офицеры должны были набираться не из войск, а из подразделений внутренней стражи (п. 1–3) [5, с. 626]. Формировались данные подразделения сроком на 10 лет. Как и полагалось, их служащие получали содержание и плату за работу (п. 7–9). Форму получали бесплатно, а за работу в рабочие дни платили по 10 коп. на питание [5, с. 626].

Одновременно с этим по всей стране из-за нехватки свободных рабочих рук расширялся и перечень работ, для которых привлекались осужденные. Так, 5 октяб-

ря 1816 г. был принят указ за № 26450, согласно которому было принято решение содержащихся по городам арестантов употреблять для планировки улиц [5, с. 1040].

Тем не менее проблема с насыщением военно-рабочих рот нормальным контингентом оставалась, как и отдельные вопросы о статусе сосланных в крепостные работы. Для чего 20 августа 1818 г. за № 27487 был принят указ «О бродягах, кои быв отосланы в крепостные работы, сделались неспособными к оным». В нем находим лишь упоминание о создании из здоровых людей военно-рабочих рот. Но в своем большинстве документ посвящен проблемам освидетельствования и дальнейшей судьбе неспособных к работе заключенных обоюбого пола в крепостях [6, с. 473].

Окончательное же законодательное отделение военно-рабочих от применяемых в крепостях для работ осужденных лиц произошло на основании указа от 21 августа 1818 г. за № 27491 – «Положение о военно-рабочих ротах для Инженерного Корпуса». Положением, в частности, предусматривалось, что вместо имевшихся для работ Инженерного департамента мастеровых, военно-рабочих и фурлет создавалось 36 военно-рабочих рот. Каждая такая рота должна была состоять из мастеровых и рабочих и получить свой номер. В первоначальный состав данных подразделений входили: 2 роты Пионерные, находящиеся на Аланде, мастеровые по действующему штату Инженерного корпуса, фурлейты данного корпуса и те военно-рабочие, которые были к работам действительно способны. Также включались в роты и нижние чины саперных и пионерных батальонов, которые были действительно способны к работам, а еще те нижние чины саперных и пионерных батальонов, которые к продолжению службы в этих батальонах признавались неспособными, но были еще здорового сложения и не слишком стары. Оставшиеся еще после этого вакансии предполагалось укомплектовать рекрутами «такого разбора, какие поступают в рабочие батальоны Путей Сообщения».

Ежегодное комплектование данных подразделений из-за убыли людей планировалось производить из служащих саперных и пионерных батальонов, не вполне годными к дальнейшей службе, а также из крепостных арестантов. Однако только не тех, кто по суду в это звание попал, а такими, которые были «благонадежны в поведении и не суть еще старых лет, а остальных за тем рекрутами» (п. 4).

При подборе офицерского корпуса военно-рабочих рот преимущество отдавалось беспорочно выслужившим свои годы фельдфебелям и унтер-офицерам 1 класса саперных и пионерских батальонов, способным еще к службе в военно-рабочих ротах. В качестве офицеров разрешалось использовать и кондукторов «хорошего поведения, но не оказывающих довольно способности к наукам, чтоб поступить в инженерные офицеры» (п. 5). Состав и содержание рот производилось по специальному штату, а офицерам и прочим чинам выдавались соответствующие мундиры [6, с. 517–518].

Кстати говоря, использовался труд военных арестантов и в Крыму. Так, согласно штату комендантского 1 батальона Замоского егерского полка, в него входила и 38 военно-рабочая рота (Феодосия). В ее составе по состоянию на 6 марта 1935 г. числилось: 1 обер-офицер, 1 унтер-офицер, 26 рядовых, в командировке – 1 унтер и 5 рядовых, в отпуску – 2 рядовых, налицо – 1 штаб офицер и 19 рядовых [8, л. 11–12].

Форма наказания в виде отдачи в рекруты в России к этому времени существовала уже давно. Однако многие из наказанных таким образом были к ней

по разным причинам неспособны. Более того, армия не могла стать для закоренелых уголовников и прочих преступников местом перевоспитания. Скорее, они способствовали расшатыванию дисциплины в тех частях, где волею судеб оказались, ставя под угрозу их боеспособность. Известно, что с этой проблемой к Александру I обратились главнокомандующие 1-й армией: генерал от инфантерии граф Сакен и 2-й генерал от кавалерии граф Витгенштейн. Они жаловались на чрезвычайно частые случаи «побега поступающих в полки из бродяг и преступников воинских нижних чинов. Подготовка рядовых в этом случае резко падала, вместе с беглецами пропадало и их обмундирование, а иногда и не только оно». Для комплектации подразделений опять нужно было обращаться к рекрутским службам и т. д.

Стремясь решить эту проблему, 23 февраля 1823 г. за № 29328 был издан указ «Об отсылке в Сибирь на поселение бродяг и преступников, вместо отдачи их в военную службу и в крепостные работы». Им царь, стремясь навести в войсках порядок, а также учитывая отсутствие ранее существовавшего дефицита в рабочей силе в крепостях, постановил: «1) Отныне впредь обращать в полки тех только, кои, не быв судимы, представляются в рекруты в зачет будущих наборов, по приговорам мирских обществ, или по желанию помещиков. 2) Преступников и бродяг, кои по приговорам Судебных мест в военную службу назначались, отныне впредь отсылать в порты, на фабрику Екатеринославскую, в горные и соляные заведения и на работы в ведение Путей Сообщения, соответственно той надобности, какая в них Ведомствам сим быть может...» [8, с. 794]. Кроме того, предписывалось бродяг, которые только за одно бродяжничество или отсылались временно в крепости для работ, или отправлялись в военную службу, в дальнейшем из-за отсутствия надобности в таких людях при крепостных работах и в воинских подразделениях отправлять в Сибирь на поселение [8, с. 795].

Таким образом, опыт использования заключенных в различных работах к началу 1823 г. был накоплен весьма внушительный. К тому же этот фактор одновременно усилился и тем, что, как отмечают многие исследователи, в данный период жалобы на имя царя о переполненности мест поселения Сибири ссыльными и каторжными достигли критической отметки. Кроме того, в этапировании ссыльных принимали участие значительные воинские контингенты. Самых же ссыльных и каторжных также в местах отбытия ими наказаний необходимо было охранять. И это в то время как в Европейской части империи остро не хватало рабочих рук, пусть и не на крепостной работе. Таким образом, сами обстоятельства и имеющийся опыт организации военно-рабочих рот подтолкнули власть к формированию военно-арестантских рот, в которых без огромных усилий по этапированию и охране в отдаленных уголках страны заключенных можно было их использовать с большей эффективностью на местах. Военизированный же характер данных подразделений приписывают обычно идеологу их создания – тогда еще будущему императору Николаю I.

В современной литературе принято считать, что арестантские роты военного ведомства были созданы с принятием особого положения «...для образования крепостных арестантов в Динабурге и Выборге в арестантские роты» 3 июня 1823 г. Так, известный исследователь истории военных судов в России Н. А. Петухов в своей монографии «История военных судов в России» даже указывает на законода-

тельные акты, расположенные в первом Полном Собрании Законов Российской империи, которыми якобы были созданы данные роты и в которых, соответственно, содержится данное положение – «П. С. З., Т. 38, № 28984, 29597, 29006» [9, с. 65]. В то же время указ за № 28984 от 29 марта 1823 г. носит название «О облегчении цепей, налагаемых на содержащихся под стражею арестантов, и ограничения употребления оных», указ № 29.597 от 27 августа 1823 г. «О наряде конвоя к арестантам при выпуске их на работы» и, наконец, упоминаемый им третий указ № 29006 от 18 апреля 1822 г. «О надзоре за крепостными арестантами в тюрьмах и на работах». Ни один из этих документов никак не относится к военно-арестантским ротам, тем более, в Динабурге и Выборге. Более того, ни один из них не был принят 3 июня 1823 г. К слову сказать, в первом Полном Собрании Законов Российской империи (т. 38) за 1822–1823 гг. нет ни за 3 июня, ни в другие ближайшие дни, как у некоторых исследователей, у которых стоит «3(15)», никаких указов о формировании военных арестантских рот. С одной стороны, можно было бы предположить, что он не был официально издан и был найден исследователями в архивах или других сборниках и хранилищах документов. Однако причины этого совершенно не ясны, так как последующая правовая регламентация деятельности военных арестантских рот в собраниях законов империи изложена совершенно подробно и без купюр. К тому же ссылок на такие хранилища или сборники они не делают.

В своих работах они обычно указывают, что, по данному документу, арестантские роты находились в заведовании крепостных комендантов, управлялись плацмайорами на правах батальонных командиров. Арестанты в обеих крепостях были из военных чинов. В первой крепости предполагалось сформировать 7 рот, во второй – 8. Личный состав арестантской роты делился на кадровый и переменный (арестанты). Кадровый состав арестантской роты состоял из одного штаб-офицера или обер-офицера, командующего ротой, 3 младших офицеров, одного фельдфебеля, 16 унтер-офицеров и 1 барабанщика, все из чинов корпуса внутренней стражи.

Впрочем, скорее всего, здесь просто произошла ошибка, так как приводимые исследователями данные слишком близки по смыслу к указу от 26 сентября 1826 г. № 598 под названием «Положение для образования крепостных арестантов в арестантские роты». В нем, в частности, находим, что «...Военные арестантские роты в Динабурге и Бобруйске составят в 1-й из сих крепостей 7 рот, во второй 8 рот, которые и будут называться Арестантскими ротами» [10, с. 1011]. Однако, как уже указывалось, данный документ был принят только в 1826 г., а никак не 3 июня 1823 г. (Динабургской крепостью, кстати, крепостные арестанты давно уже использовались для производства фортификационных работ, впрочем, как и в других крепостях). Офицерский и унтер-офицерский состав данных подразделений также требовалось набирать из чинов внутренней стражи, как и военно-рабочих батальонов в Москве.

В этой связи следует также упомянуть, что еще 3 июля 1811 г. за № 24704 было принято «Положение для внутренней стражи». Согласно данному документу, внутренняя стража состояла из губернских батальонов, а также из команд служащих инвалидов. В каждой губернии обычно находился 1 батальон, а в каждом городе – более мелкие подразделения, не больше роты. Такие подразделения внутренней стражи состояли под непосредственным управлением своих воинских начальников, те же, в свою очередь, находились в подчинении военного министра. На внутреннюю стражу возлагалась обязанность действовать по требованию местного начальства во

всех тех случаях, «в коих прочие воинские команды к тому обязаны, и именно: 1) В помощь исполнению законов и приговоров суда» [11, с. 784], а также «13) На отряжение нужных часовых к Присутственным местам, тюрьмам и острогам» [11, с. 785]. Таким образом, внутренняя стража изначально использовалась в деятельности судебной и пенитенциарной систем, а потому и привлечение ее служащих в арестантские роты было разумным шагом по использованию их опыта.

Следует упомянуть и то, что важной составной частью Положения для внутренней стражи была «Инструкция батальонному командиру». В ней, в частности, указывалось, что «Арестанты разделяются на 2 рода: а) подсудимые, и б) осужденные. Подсудимые, не быв еще обвинены, не суть преступники, и закон для единой необходимой предосторожности лишает их свободы. Следовательно, обращение с ними команд, их провожающих, должно быть согласно с справедливостью и человеколюбием...» (п. 11) [11, с. 791].

Впрочем, к составу арестантских рот положения данной инструкции не относились, так как в них содержались именно осужденные, и в последующие после образования арестантских рот годы их контингент только расширялся.

Так, к примеру, 11 июля 1826 г. за № 459 был принят указ «Об отправлении наказанных за четвертый побег в крепостную работу для определения военно-арестантские роты» [10, с. 686]. Он, конечно же, касался в первую очередь нижних чинов армии, но поступили в данные подразделения и гражданские лица.

Чтобы придать всем заключенным арестантских рот единый статус, так как совместное содержание представителей военного и гражданского ведомств, имеющих разные гражданские права и подсудность, было неудобно и затруднительно, 23 марта 1826 г. за № 207 был принят указ «О суде и наказании арестантов гражданского ведомства, по крепостям в арестантских ротах находящихся». Им, в частности, предусматривалось, «1) арестантов, поступивших в арестантские роты из гражданского ведомства, какого бы рода они ни были, когда учинили преступления в бытность уже в сих ротах... судить военным судом и наказывать как бы не принадлежащих более гражданскому ведомству» [10, с. 306].

Таким образом, арестантские роты охватывали осужденных военного и гражданского ведомств. Еще одним самостоятельным ведомством также остро нуждавшимся в дешевой и многочисленной рабочей силе было военно-морское ведомство. Поэтому другая серия законодательных актов была посвящена созданию именно арестантских рот военно-морского ведомства в качестве развития системы наказаний для военнослужащих флота. Впрочем, в них направлялись не только осужденные морские служащие

Как уже выше упоминалось, 26 сентября 1826 г. за № 598 было принято «Положение для образования крепостных арестантов в арестантские роты». В нем царь повелел: «арестантов Морского ведомства, в портах состоящих, сформировать на роты, и чтобы учреждение сих рот основано было совершенно на положении существующих в крепостях арестантских рот Инженерного ведомства...». Исходя из чего требовалось сформировать в Кронштадте из 250 арестантов 2 роты, по 125 человек в каждой. Офицеров необходимо было в них назначить 8, фельдфебелей 2, унтер-офицеров 32 и барабанщиков 2. В Свеаборге, куда необходимо было перевести заключенных из Роченсальма, из 100 человек формировалась 1 рота, в состав которой вошло 4 офицера 4, 1 фельдфебель, 16 унтер-офицеров и 1 барабанщик. В Реве-

ле, впредь до дальнейшего распоряжения, также из 100 заключенных формировалась 1 рота, с таким же числом офицеров и нижних чинов, как в Свеаборге. Офицеров и нижних чинов предлагалось назначить из состава внутренней стражи.

Важным дополнением к указу было «Положение о военных арестантских ротах». Его необходимо детально рассмотреть, так как отдельные его параграфы предусматривались и для созданных позже арестантских рот гражданского ведомства. Так, положение, в частности, предусматривало, что арестантские роты в Динабургской крепости будут созданы в составе 7 таких подразделений, а Бобруйской крепости – 8 рот, которые и будут называться Арестантскими ротами [10, с. 1011]. Эти подразделения предполагалось образовать следующим образом: каждая арестантская рота должна была состоять из 1 штаб или обер-офицера, командующего ротой, 3 младших офицеров, 1 фельдфебеля, 16 унтер-офицеров и 1 барабанщика. В такую роту поступали 120 заключенных, а каждые 8, 10 или 12 человек из них составляли отделения.

В тех случаях, когда количество заключенных арестантов требовало увеличения и количества унтер-офицеров, их предписывалось прикомандировывать из служащих или не служащих инвалидов.

Что касается формы одежды для служащих данных подразделений, то офицерам арестантских рот полагался мундир служащих инвалидов. Кроме того, во время нахождения на службе им вменялось в обязанность иметь в руке тростниковую трость с костяной головкой. Фельдфебели, унтер-офицеры и барабанщики также должны были носить мундир служащих инвалидов. В то же время фельдфебелям также полагалось иметь на службе трость тростниковую, а унтер-офицерам обыкновенную. Всем служащим этих рот сохранялось прежнее жалование по окладам.

Заключенные в ротах рассчитывались на отделения, каждым из которых командовал унтер-офицер. Сами же отделения должны были состояться следующим образом: в отделение подбирались люди, осужденные по «равному приговору». Исходя из чего разрешалось различие в количестве людей в отделениях. При этом состав отделения не должен был превышать 12 арестантов. В военно-арестантских ротах осужденные на определенный срок к крепостной работе составляли первые отделения по старшинству; второй разряд составлялся из бродяг или беглых военного ведомства, которые по справкам оставались в крепостных арестантах.

В арестантских ротах гражданского ведомства разделение на отделения требовалось производить так же, с той лишь разницей, что присужденные к вечному заключению должны были поступать все в одну роту, сколько бы их ни было. Исходя из этого, и количество таких арестантов в роте зависело исключительно от числа приговоренных.

Вечные арестанты разделялись на отделения по мастерствам, к которым были приучены или обучались, и потому в такой роте могло быть 2 и 3 отделения каменщиков, плотников и проч.

Приговоренные к срочному заключению должны были поступать в другую роту и равным образом разделялись, по возможности, на отделения по своим ремеслам.

Наконец, бродяги разделялись на столько рот, сколько по их количеству приходилось, исходя из расчета от 100 до 140 чел. в роте. Разделение их на отделения зависело от возраста и подозрения, на них лежащего. Самые молодые бродяги, т. е.

моложе 30 лет, поступали в одну роту, а более старшие в другую. На отделения в такой роте они также делились исходя из возраста.

Положение также предусматривало, что попавшие в такие арестантские роты лишенные чинов офицеры должны были одеваться и содержаться без всякого отличия от прочих арестантов и поступали в то отделение, к которому принадлежали по совершенному над ними приговору.

Арестанты всех вообще отделений подчинялись строжайшей военной дисциплине. Им ни под каким видом не разрешалось носить другой одежды, кроме той, что выдавалась им по положению. Самых арестантов требовалось содержать «в наилучшей чистоте» и контролировать, чтобы они были острижены, вымыты и выбриты, как будто бы находились на действительной службе (п. 6).

Военная дисциплина устанавливалась для перемещения и работы ротных арестантов. К какой бы работе не назначались арестанты, они никогда не должны были выходить из тюрьмы и идти в беспорядке. В данных случаях необходимо было соблюдать следующие правила: перед выводом арестантов из тюрьмы били сбор. После чего арестанты выходили и строились в своих отделениях, шеренгах и рядах. Тогда производилась перекличка, по окончании которой арестантов вели в порядке на работу [10, с. 1012]. Перед каждым отделением должен был следовать унтер-офицер. При этом все движения производились обычными командными словами (п. 7).

При окончании работ вторично били сбор, и арестанты, построившись тем же порядком, возвращались в тюрьму. Устанавливалось, что офицеры арестантских рот (исключая ротного командира) должны были водить арестантов на работы поочередно.

Они также обязаны были на работах оставаться целый день для наблюдения порядка и присмотра за арестантами, а вечером приводить арестантов обратно в тюрьму. Это положение относилось к тем ротам, которые состояли из людей, не знающих особого мастерства и водимых целой ротой на работу. В тех же ротам, где были настоящие мастеровые и которые поэтому дробились на участки, должны были находиться их унтер-офицеры, но один из офицеров обязывался присутствовать при выходе и при возвращении их и лично удостовериться, достаточно ли за ними присматривали.

Конвой за арестантами предполагался от крепостного гарнизона. Комендант гарнизона должен был наблюдать, чтобы наряд этот был достаточным для поддержания мер безопасности (п. 7). Зачастую на практике эти обязанности исполняли подразделения внутренней стражи и инвалидные команды.

Как и в отношении прочих заключенных, положение запрещало выдачу на руки денег арестантам и строго предписывало наблюдать, чтобы они их не получали и со стороны (п. 8). Арестантские роты состояли в полной зависимости крепостного коменданта, именно на него было возложено строгое соблюдение правил, существовавших по вопросам содержания и присмотра за арестантами (п. 9). Он также должен был получать от комиссариата на них одежду и контролировать исправность их обмундирования по утвержденной форме. В этих вопросах, впрочем как и в отношении общего присмотра за арестантами, ротные командиры объявлялись его «настоящими помощниками» (п. 10).

Средства на жалованье всех чинов арестантской роты отпускалась в распоряжение ротных командиров. Ротный командир получал также жалованье и амуницию для своих нижних чинов. Расход и использование данных средств возлагался на него под ответственностью и наблюдением коменданта (п. 11, 12).

Как и в отношении других заключенных в империи, предусматривалась и возможность сбора заключенным арестантских рот пожертвований от частных лиц. В частности, положением предусматривалось, что кружка для подаяний в пользу арестантов должна была находиться в церкви гарнизона того места, где собственно и размещались арестанты. Ее требовалось содержать за печатью коменданта, а деньги, собранные таким образом, использовать исключительно на улучшение пищи арестантов, но под личным присмотром самого коменданта (п. 13).

Для использования арестантов на работах и в отношении их быта существовали и строгие ограничения. Так, в частности, строго запрещалось их использование на других работах, кроме крепостных, а особенно направление на исполнение частных или партикулярных работ и поручений (п. 14). Что касается разжалованных арестантов (бывших офицеров), то им запрещалось давать чернила, бумагу, перья, книги и тому подобное; также были под запретом ножи и всякий прочий инструмент. В случаях когда починка их платья или обуви требовала отпуска иголок, шила и проч., то их разрешалось выдавать исключительно для употребления по данному назначению, а по миновании надобности немедленно требовалось отбирать назад (п. 15).

За любой беспорядок или отступление от подробной инструкции, данной для поддержания порядка, личную ответственность несли ротный командир и комендант (п. 16). Производить подбор офицеров для арестантских рот требовалось тщательно и только из корпуса Внутренней стражи (п. 17). А вот нижних чинов разрешалось набирать для службы из служащих инвалидов «отличного поведения» (п. 18) [10, с. 1013].

В силу уже упоминавшихся обстоятельств, по которым и началось формирование арестантских рот, таких как ограничение ссылки в Сибирь и значительная потребность в рабочей силе, был предпринят еще один шаг к наполнению арестантских рот осужденными преступниками. 29 сентября 1826 г. за № 602 был принят указ «Об отсылке содержащихся по 22 августа 1826 г. арестантов, не имеющих права на прощение по I и III статьям Всемилостивейшего Манифеста, в крепостные арестанты». Согласно данному документу, царь по донесениям об арестантах, особенно о тех, что содержались продолжительное время и желая «явить Монаршее милосердие к тем из арестантов, кои, не имея права на прощение по I и III статьям ... манифеста, в 22 день прошедшего Августа обнародованного, и не быв обвинены в смертоубийстве, разбое и грабеже, будут окончательным решением приговорены за другие преступления к ссылке в Сибирь в каторжную работу...», повелел, чтобы все такие заключенные, которые содержались по 22 августа 1826 г., были отправлены в крепостные арестанты, т. е. в арестантские роты [10, с. 1015–1016].

Вплоть до конца 1826 г. и несколько последующих лет происходило развитие правовой базы деятельности арестантских рот военного и военно-морского ведомств, с уточнением подчиненности, компетенции, подсудности, использования заключенных, с увеличением количества таких подразделений и более точным определением их личного состава.

Так, 1 октября 1826 г. за №607 был принят указ «О суждении в морском ведомстве арестантов, принадлежащих к арестантским ротам, под Морским Начальством состоящим» [10, с. 1018]. Ранее в случае совершения преступлений такие арестанты судились гражданским ведомством, хотя исполнение наказаний вроде бы было возложено на военно-морское.

27 ноября 1826 г. за № 706 был принят указ «О сформировании в Ревеле двух арестантских рот». Согласно ему, для замены назначенных к Ревельским крепостным работам по Инженерному ведомству 200 матросов предписывалось сформировать в Ревеле 2 арестантские роты, кроме уже состоящих там. В связи с отсутствием же в Ревельском порту удобного для них помещения предписывалось отправить для этой цели из Кронштадского порта неспособный к дальнейшей службе корабль [10, с. 1253]. Следует также указать, что практика размещения заключенных на кораблях применялась и в других странах, например в Великобритании. Это было дешевле постройки специальных зданий, а списанных с военной службы кораблей всегда было в избытке.

31 декабря этого же 1826 г. за № 792 был принят указ «Высочайше утвержденный штат одной арестантской роты». Данный документ регламентировал единый их состав, внося определенное однообразие. Кроме того, его принятие можно считать завершением первого этапа создания и регламентации арестантских рот гражданского ведомства. В нее, согласно документу, входили: командир роты капитан (ротным командиром мог быть штабс-капитан и старший поручик, с жалованием по чину). Кроме того, в состав роты входили поручик, подпоручик, прапорщик, фельдфебель, 16 унтер-офицеров, барабанщик, писарь, цирюльник и 120 арестантов. При этом количество арестантов из бродяг разрешалось, в зависимости от ситуации, варьировать в роте от 100 до 140 чел.

Также указом подкреплялось уже изложенное в предыдущих документах положение, согласно которому арестантские роты находились в полной зависимости крепостного коменданта, находясь под управлением Плац-Майора, на праве батальонного командира. На работу арестанты рот должны были высылаться по наряду командира инженерной команды. Что касается ротных командиров, то их полагалось: 1/3 капитанами, 1/3 штабс-капитанами и 1/3 поручиками [10, с. 1356].

В отличие от «Положения о военных арестантских ротах» от 26 сентября 1826 г., форма одежды предполагалась совершенно иная. В частности, офицерам и нижним чинам арестантских рот полагалось носить обмундирование военно-рабочих рот, с разницей только в том, что эполеты и погоны без красной опушки, и № роты на них должны были быть с литерой «А», таким образом: 1: А; 2: А; 3: А; т. е. 1-я арестантская, 2-я арестантская, 3-я арестантская и т. д.

Кроме того, офицерам арестантских рот давалась общая линия в производстве с офицерами военно-рабочих же рот. Положенное по данному штату жалование производилось от Комиссариатского ведомства и от него же шло обмундирование нижних чинов и арестантов по установленным образцам.

Непременный атрибут того времени для офицеров – денщики, им полагались согласно чинам.

Устанавливались и традиционные в таких случаях вычеты из жалования: на медикаменты с обер-офицеров – по 14 коп., а с нижних чинов (кроме денщиков) – по 1 коп. с рубля. На госпиталь со всех офицеров и нижних чинов – по 1 коп. с рубля.

Кроме того, предоставлялся в госпитальную сумму удерживаемый у больных нижних чинов и арестантов весь провиант за время нахождения их в лазарете.

Что касается довольствия нижних чинов, денщиков и арестантов провиантом, то оно должно было производиться от провиантского ведомства, и для первых определялось общим положением о войсках, т. е.: на каждого в год муки по 3 четверти, крупы по 2 четверику и по 2 гранца, а для последних, т. е. арестантов, муки по 3 четверти, круп по 1 четверику 4 гранца в год на каждого.

Нахождение арестантских рот в составе военного ведомства подчеркивало и то, что было решено унтер-офицеров военно-рабочих рот Инженерного корпуса, за выслугу узаконенных лет в офицеры производимых, назначать в арестантские роты, когда в военно-рабочих ротах офицерских вакансий не будет. Из числа унтер-офицеров и рядовых военно-рабочих рот инженерного корпуса, ранее за неспособностью в инвалиды выписываемых, лучших по поведению впредь требовалось назначать в арестантские роты, в одном и том же округе состоящие, для замещения унтер-офицерских вакансий, если такие случались [10, с. 1357].

Определение использования и подведомственности арестантов арестантских рот происходило и в дальнейшем. Так, указом № 1076 от 6 мая 1827 г. «О разных распоряжениях по строительной Морской части» [12, с. 416], предписывалось: «7) Из числа зависящих от Морского министерства арестантских рот отряжать по требованиям вашим в ведомства Строительного Департамента по морской части по одной или несколько рот, смотря по обширности работ; а для таких работ в портах, коих без матросов производить нельзя, назначать необходимое число матросов и гребных судов» [12, с. 417].

А 20 мая 1827 г. за № 1104 был принят указ «О суждении военным судом употребляемых в крепостях и морских портах, равно и на военных работах арестантов, за содеянные ими преступления». Он был принят вследствие того, что ранее совершившие преступления такие арестанты часто отсылались в гражданские суды, так как они не состояли в арестантских ротах [12, с. 448]. Теперь же и их решено было судить за преступления военным судом [12, с. 449].

Важным документом, на долгие годы закрепившим места расположения арестантских рот, а также определившим контингент заключенных в них, стал указ от 25 марта 1829 г. за № 2765 «О расписании крепостей, в которых для работ назначаются арестанты военного и гражданского ведомства».

В нем, в частности, указывалось, что еще при циркулярном распоряжении Инспекторского департамента от 30 апреля 1817 г. было разослано по военному ведомству расписание, показывающее, из каких губерний в какие крепости должны быть присылаемы разного звания люди, осуждаемые за преступления в крепостные работы.

В его развитие и исполнение препровождалось для сведения и исполнения по всему военному ведомству составленное расписание крепостям, определялась высылка из губерний, в данном расписании показанных, как нижних воинских чинов, за 4-й побег от службы осужденных (по указу от 24 мая 1827 г.), так и людей другого звания, назначаемых за преступления в крепостную работу [13, с. 194]. В нем, в частности, предусматривалось таких осужденных из Таврической, Екатеринославской, Слободско-Украинской, Курской, Воронежской губерний отправлять в кре-

пость Херсона (Херсонского округа). Кроме того, расписание содержало еще 356 таких мест.

Особое внимание законодателя в последующие годы было уделено развитию правового положения и деятельности арестантских подразделений в составе Черноморского военно-морского флота, какие были образованы в нем в виде арестантских батальонов. Первым шагом на этом пути стало принятие 27 марта 1830 г. за № 3560 указа «О разделении арестантов Черноморского ведомства на разряды». Им, в частности, предписывалось начальнику Черноморского флота сделать следующие распоряжения: тех из них, кто был прислан за нетяжкие преступления и, находясь в ведомстве Черноморского департамента, не только никаких потом преступлений не совершили, но и вели себя добропорядочно, определять на службу по данному ведомству или по сношению с Военным министерством распределять в исправительные рабочие роты, смотря по способности и соотносясь с изданными в 1828 и 1829 г. о бродягах и преступниках постановлениями.

Таким же образом необходимо было распорядиться и с бродягами, на возвращение которых обществам и помещикам установленный после публикации срок уже прошел. В то же время подчеркивалось, что данное распоряжение не может распространяться как на присланных на срочное время преступников, которые по отбытии им установленных сроков должны были направляться далее по своим приговорам, так и на важных преступников или вновь совершивших преступления, усугубившие причины к их заключению, так как таковые должны были оставаться навсегда в арестантских батальонах [14, с. 237].

Что касается призерия арестантов, которые по старости, увечию или из-за неизлечимых болезней становились совершенно неспособными к дальнейшей работе, то по отношению к ним необходимо было руководствоваться правилами, действовавшими по этому вопросу в Военном министерстве [14, с. 238].

Не исключено, что на последовавшее в 1831 г. переформатирование подчиненности и устройства арестантских подразделений Черноморского флота оказали события лета 1830 г., вошедшие в историю как чумной бунт в Севастополе. Как известно, по его результатам судебному преследованию подверглись тысячи военно-служащих и гражданских.

Определение подчиненности подразделений арестантов в Черноморском флоте было окончательно установлено указом от 18 ноября 1831 г. за № 4951 «О подчинении Рабочих Экипажей и Арестантских батальонов Черноморского Флота Обер-интенданту того Флота». Им, в частности, предусматривалось ликвидировать подведомственность данных экипажей и батальонов от инспектора ластовых и рабочих экипажей Черноморского флота и подчинить их обер-интенданту этого же флота в виде инспектора с предоставлением ему в отношении их тех же правил, какие по указу царя в приказе министра от 19 августа 1831 г. № 81 были присвоены генерал-интенданту флота, по управлению Балтийскими рабочими экипажами и арестантскими ротами.

Непосредственное заведывание рабочими экипажами и 2-м Арестантским батальоном, находящимися в Севастополе, было поручено капитанами над портами, как это уже было установлено на Балтийском флоте. На этом же основании подчинили находящиеся в Херсоне рабочие роты управляющему делами тамошнего порта.

Кроме того, при обер-интенданте Черноморского флота для управления рабочими экипажами и арестантскими батальонами создавался специальный штаб (по образцу, изложенному в приказе 23 сентября этого же года № 92 и созданному при генерал-интенданте флота). В нем предполагалось иметь старшего адъютанта и 4 писарей [15, с. 217].

Однако очевидно, что формирование арестантских батальонов себя не оправдало, так как держать такое значительное по своему составу подразделение в одном месте было нерационально: для него могло не оказаться достаточно работы. Разделение же таких батальонов на более мелкие подразделения позволяло разместить их в различных пунктах с подчинением конкретным местным начальствам, на которых и возлагалась ответственность за производство арестантами тех или иных работ. В связи с чем уже 2 декабря 1831 г. за № 4979 был принят указ «Об учреждении в Черноморских Портах, вместо Арестантских батальонов, Арестантских рот». Само название «арестантских батальонов», согласно указу, предлагалось вообще «уничтожить». А вот ротам, которые составляли первый батальон, было решено присвоить номера, следующие после Балтийских рот – с 11 по 19; ротам же, составляющим 2-й батальон – с 19 по 27.

Кроме того, указ предписывал данные роты сравнивать во всем с положением Балтийских арестантских рот (то же обмундирование, что арестантам, нижним чинам и офицерам, жалование). Также предусматривалось офицерам Балтийских арестантских рот, имевших к производству общую линию с офицерами Ластовых экипажей, иметь свою особую линию вместе с офицерами арестантских рот Черноморского флота. А штаб-офицерам, командующими несколькими арестантскими ротами, в одном в каком-либо порту расположенными, производить жалование независимо от чинов до 900 руб. в год [16, с. 239]. К этой же категории можно отнести указ от 31 мая 1835 г. за № 8194 «О жаловании Прапорщикам морских арестантских рот», им устанавливался годовой оклад в 510 руб. [17, с. 671]. Следует указать, что в выше упоминаемых нормативно-правовых актах не было упоминаний о наличии в составе арестантских рот прапорщиков, но, очевидно, потребность в их использовании и привлечении возникла в ходе их деятельности.

Указ от 2 декабря 1831 г. был также усилен принятым в его развитие указом от 10 мая 1833 г. за № 6196 – «Правила на счет производства Инспекторских смотров Ластовым и Рабочим Экипажам Черноморского Флота». Им, в частности, предписывалось, что данные подразделения должны осматриваться в сроки, определенные для бригадных командиров ближайшими их начальниками, а именно – 2 раза в год перед навигацией и перед ее окончанием. В Севастополе таким командиром был капитан над портом [18, с. 264].

Следует также упомянуть, что усиление контроля порядка в деятельности арестантских рот в Черноморском флоте было необходимо еще и в связи с увеличением их численности. Так, в 1834 г. за № 7302 вышел указ «О присвоении четырех морским Арестантским ротам в Севастополе № 27, 28, 29 и 30». Данные номера присваивались вновь создаваемым в Севастополе четырем морским арестантским ротам, предназначенных для усиления работ, по сооружению сухих доков [19, с. 798].

Учитывая увеличение состава арестантских рот, законодатель озаботился и их регулярным наполнением. В связи с чем последующие указы еще более расширили круг осужденных отправляемых в арестантские роты. Так, 21 января 1836 г. за № 8799 вышел указ «Об отправлении в арестантские роты порочных нижних чинов не из дворян». Им данная категория осужденных направлялась в такие роты либо на определенный в приговоре срок или навсегда. Ранее же практиковалась практика отправки их на рудники в Нерчинск [20, с. 68–69].

7 октября 1837 г. за № 10571 принят указ «О распределении в арестантские роты нижних чинов войск Кавказского корпуса, по приведении над ними по приговору суда наказания». Им, в частности, Грузинского линейного № 2 батальона рядового Казимира Юркевича и еще 7 человек нижних чинов войск отдельного Кавказского корпуса, признанных судом виновными в намерении бежать за границу, по исполнении определенного наказания предписывалось отправить всех в крепость Севастополя для определения в местные арестантские роты. В случае возникновения подобных ситуаций и в дальнейшем предписывалось и с остальными осужденными поступать так же [21, с. 766]. Следует указать, что в Кавказском регионе, где арестанты и осужденные могли сбежать к противнику – горцам, туркам и т. д., арестантские роты не применялись, поэтому и был во многом принят данный указ.

Впрочем, расширение круга осужденных, отправляемых в арестантские роты, не приводило к их переполнению, так как уже 1 декабря 1837 г. за № 10760 был принят именной указ «О сформировании в крепости Севастополь четырех арестантских рот». Появление данного документа на свет обуславливалось необходимостью успешного производства в крепости Севастополя экстренных работ, для чего и формировались там, временно, еще 4 арестантских роты усиленного состава.

Офицеров в данные подразделения требовалось назначить по распоряжению инженерного начальства, из числа состоящих в военно-рабочих ротах сверх комплекта, а нижних чинов – из корпуса внутренней стражи. Необходимое же для этих рот количество арестантов, согласно положению об арестантских ротах Инженерного ведомства от 13 ноября 1833 г., предписывалось выслать по сношению с МВД, и из ближайших мест, по распоряжению военного начальства, утверждающего приговоры над нижними чинами, с назначением их в крепостную работу.

Формируемые вновь арестантские роты предписывалось содержать на средства, ассигнуемые Инженерному департаменту, на Севастопольские крепостные работы. Самим же ротам присваивались номера, соответствующие всем вообще арестантским ротам Инженерного ведомства (№47, 48, 49 и 50) [22, с. 949].

Развитие данных подразделений и их активное использование продолжалось и в дальнейшем. Так, согласно принятому 11 мая 1839 г. за № 12333 указу «О соединении двух арестантских рот, находящихся в Ревеле, о сформировании таковой же роты в Киеве и о перемене номеров других арестантских рот», были изменены присвоенные таким подразделениям соответствующие номера от № 10 до 34 [23, с. 433]. В то же время, по действующим штатам, в Севастополе располагались арестантские роты под номерами 37, 38, 47, 48, 49, 50. Как видим, созданные в 1837 г. роты были сохранены [24, с. 146]. Всего же по всей стране было 51 арестантских рот.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Российской империи форма наказания военнослужащих в виде привлечения к тяжелым работам была введена еще Петром I в его Уставе Воинском. Однако дальнейшего развития эта форма наказания не получила вплоть до начала XIX века. Именно в первой половине XIX века создаются и развиваются как правовые основы деятельности подобных подразделений, так и сами такие подразделения. Первоначально это были военно-рабочие подразделения, которые применялись вместе с трудом обычных солдат и осужденных на различных строительных работах, носящих в основном военный характер. Важнейшей правовой основой для деятельности подобных подразделений стало принятое 26 сентября 1826 г. «Положение для образования крепостных арестантов в арестантские роты» (№ 598) с изданным в виде дополнения к нему «Положение о военных арестантских ротах». С их принятием наличие арестантских рот, как сухопутных, так и военно-морских, в российской армии стало нормой.

Список литературы:

1. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. 5. 1713–1719. – СПб., 1830. – 780 с.
2. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXVIII. 1804–1805. – СПб., 1830. – 1328 с.
3. Евгений Жиринов. Порочных людей столь много, что они развращают добрых и молодых солдат // Власть. – № 7.
4. Полное собрание законов Российской империи. С 1649. Т. XXIX. 1806–1807. – СПб., 1830. – 1372 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 г. Т. XXXIII. 1815–1816. – СПб., 1830. – 1173 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 г. Т. XXXV. 1818. – СПб., 1830. – 674 с.
7. Государственный архив Республики Крым, ф. 36, оп. 1, д. 124. Подлинные определения тюремного замка. 1860 г. 106 л.
8. Полное собрание законов Российской империи. С 1649. Т. XXXVIII. 1822–1823. – СПб., 1830. – 1354 с.
9. Петухов Н. А. История военных судов России. Под ред. с предисл. д. ю. н., проф. В. М. Лебедева / Н. А. Петухов. – М.: НОРМА, 2003. – 352 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. I. С 12 декабря 1825 по 1827. – СПб., 1830. – 1204 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 г. Т. XXXI. 1810–1811. – СПб., 1830. – 944 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. II. 1827. – СПб., 1830. – 1138 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IV. Отделение первое. 1829. – СПб., 1830. – 968 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. Отделение первое. 1830. – СПб., 1831. – 594 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VI. Отделение второе. 1831. – СПб., 1832. – 360 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VI. Отделение первое. 1831. – СПб., 1832. – 834 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. Отделение первое. 1835. – СПб., 1836. – 912 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VIII. Отделение первое. 1833. – СПб., 1834. – 832 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IX. Отделение 1. 1834. – СПб., 1835. – 891.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XI. Отделение первое. 1836. – СПб., 1837. – 893 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XII. Отделение первое. 1837. – СПб., 1838. – 822 с.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XII. Отделение второе. 1837. – СПб., 1838. – 1067 с.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отделение первое. 1839. – СПб., 1840. – 1185 с.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отделение второе. 1839. – СПб., 1840.

Kurabtseva A.P. Creation prisoner companies of military and naval department in the Russian empire // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 33 – 49.

As be obvious from the presented material, in the Russian empire the form of punishment of servicemen as bringing in to the fags was entered yet by Peter I in his Charter Military. However further development this form of punishment did not get up to beginning of XIX of century. Both legal frameworks of activity of similar subdivisions and such subdivisions are created exactly in the first half of the XIX century and develop. Originally these were military-working subdivisions, that were used together with labour of ordinary soldiers and convict on different construction-works, carrying military character mainly. By major legal framework for activity of similar subdivisions became accepted on September, 26 1826 "Statute for education of fortress prisoners in prisoner companies" (№598) with published as adding to him "Statute about soldiery prisoner companies". With their acceptance presence of prisoner companies both land and naval in the Russian army became a norm.

Keywords: prisoner companies, army, fleet, Russian empire, decree, position.

Spisok literatury:

1. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. s 1649 goda. t. 5. 1713-1719. – spb., 1830. – 780 s.

2. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii s 1649 g. t. xxviii. 1804–1805. – spb, 1830. – 1328 s.
3. Evgenij Zhirnov. porochnyx lyudej stol mnogo, chto oni razvrashhayut dobryx i molodyx soldat // vlast. – №7.
4. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. s 1649. t. xxix. 1806–1807. – spb., 1830. – 1372 s.
5. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. s 1649 g. t. xxxiii. 1815–1816. – spb, 1830. – 1173 s.
6. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. s 1649 g. t. xxxv. 1818. – spb, 1830. – 674 s.
7. Gosudarstvennyj arxiv respubliky krym, f. 36, op. 1, d. 124. podlinnye opredeleniya tyuremnogo zamka. 1860 g. 106 l.
8. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. s 1649. t. xxxviii. 1822–1823. – spb., 1830. – 1354 s.
9. Petuxov N.A. istoriya voennyx sudov rosii. pod red. s predisl. d.yu.n., prof. v.m. lebedeva. – M.: norma, 2003. – 352 s.
10. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. i. s 12 dekabrya 1825 po 1827. – spb., 1830. – 1204 s.
11. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. s 1649 g. t. xxxi. 1810–1811. – spb, 1830. – 944 s.
12. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. ii. 1827. – spb., 1830. – 1138 s.
13. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. iv. otdelenie pervoe. 1829. – spb., 1830. – 968 s.
14. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. v. otdelenie pervoe. 1830. – spb., 1831. – 594 s.
15. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. vi. otdelenie vtoroe. 1831. – spb., 1832. – 360 s.
16. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. vi. otdelenie pervoe. 1831. – spb., 1832. – 834 s.
17. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. x. otdelenie pervoe. 1835. – spb., 1836. – 912 s.
18. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. viii. otdelenie pervoe. 1833. – spb., 1834. – 832 s.
19. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. ix. otdelenie 1. 1834. – spb., 1835. – 891.
20. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. xi. otdelenie pervoe. 1836. – spb., 1837. – 893 s.
21. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. xii. otdelenie pervoe. 1837. – spb., 1838. – 822 s.
22. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. xii. otdelenie vtoroe. 1837. – spb., 1838. – 1067 s.
23. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. xiv. otdelenie pervoe. 1839. – spb., 1840. – 1185 s.
24. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. xiv. otdelenie vtoroe. 1839. – spb., 1840.